

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 821.161.1

Зубова О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЛКОВАНИЯ РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА «ЗАБУКСОВАЛ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация. Данное исследование посвящено рассмотрению основных интерпретаций рассказа В.М. Шукшина «Забуксовал» (1971), представленных как в литературоведческих исследованиях творчества писателя, так и в фильмах-экранизациях, не только демонстрирующих значительную разноплановость и многоуровневую структуру проблематики произведения, но также вписывающих его сюжетную основу в контекст современности. В статье рассматриваются исследования таких литературоведов, как В.К. Сигов, В.В. Десятов, Е.И. Конюшенко, В.Н. Спиридонов, а также фильмы Л. Белозоровича «Забуксовал», Ф. Куйбиды «Такое кино», А. Сиренко «Самородок» и Л. Бобровой «Верую!». Каждая интерпретация акцентирует внимание на одном из многочисленных пластов идейного содержания рассказа: бытовом, политическом, общечеловеческом, историческом, философско-религиозном.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, рассказ «Забуксовал», интерпретация, литературоведческое исследование, экранизация, неоднозначность, многоуровневая проблематика.

O. Zubova

Lomonosov Moscow State University

THE PECULIARITIES OF THE NOVEL “STALLED” BY V. SHUKSHIN INTERPRETATIONS IN LITERARY CRITICISM AND CINEMATOGRAPHY

Abstract. This study focuses on addressing the key interpretations of V. Shukshin's story «Stalled» (1971), represented in literary studies, film adaptations, that not only demonstrate significant diversity of perspective and a layered structure of the work, but also fit it into the context of the present. The article discusses the studies of literary critics as V. Sigov, V. Desyatov, E. Konyushenko, V. Spiridonov and the movies «Stalled» by L. Belozorovich, «This movie» by F. Kuybida «Nugget» by A. Syrenko and «I believe!» L. Bobrova. Each interpretation focuses on one of the many layers of the ideological content of the story: the everyday, political, human, historical, philosophical and religious .

Keywords: V. Shukshin, the story «Stalled», interpretation, literary research, adaptation of, ambiguity, multi-level issues.

© Зубова О.В., 2014.

Как известно, В.М. Шукшин, знаменитый писатель, режиссёр и актёр, внёс значительный вклад в развитие русской культуры. Исследователи литературы и кинематографа не раз обращались к наследию Шукшина, выявляя как новые грани отдельно взятых произведений, так и всего его творчества в целом. Зрелый, сложный и неоднозначный по сути рассказ «Забуксовал» (1971) [7, с. 238-242] привлёк внимание многих литературоведов и деятелей киноискусства, представивших его зачастую противоречащие одно другому толкования. Упоминание о кино здесь не случайно. Экранизация, другими словами перенесение литературных произведений в кинематограф, вызвала и до сих пор вызывает немало споров, однако нам представляется существенным утверждение У.А. Гуральника [1] о том, что экранизация по праву является объектом изучения как киноведения, так и литературоведения (отметим, что значительный вклад в теорию экранизации внесли исследователи литературы, такие как Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, У.А. Гуральник, В.И. Мильдон). Экранизация является одним из показателей актуальности литературных произведений предшествующих эпох, но кроме всего прочего она представляет собой зачастую весьма оригинальную трактовку литературных первоисточников, обогащает их новыми смыслами и вписывает в контекст современности. Исследование и сопоставление разного рода интерпретаций рассказа «Забуксовал» позволит нам приблизиться к его более полноценному истолкованию.

Литературоведческие трактовки произведения достаточно многочисленны и разнообразны. Предельная

смысловая насыщенность рассказа позволяет заострять его те или иные проблемные стороны. Так, В.К. Сигов в книге «Русская идея В.М. Шукшина» [3] демонстрирует историко-политическую точку зрения на анализируемый рассказ. По мнению исследователя, писатель напрямую сравнивает лирическое отступление Гоголя с советской действительностью, «ведёт речь о подгнившем нутре, мёртвой сердцевине «забуксовавшего» «нового мира» [3, с. 215]. Стремительная быстрота русской тройки символизирует новые возможности развития, движения вперёд, однако вместе с этим в современной тройке появляются современные «захребетники» [3, с. 216]. Таков исторический путь России, на него и указывает Шукшин. Стоит отметить, что подход В.К. Сигова достаточно интересен, но также и необычен, особенно если учесть, что в своём творчестве писатель отдавал предпочтение бытовой и общечеловеческой проблематике. Несомненно, исторический контекст в рассказе присутствует, недаром Шукшин вводит в повествование сцену, где главный герой рассказа Роман Звягин застаёт учителя Николая Степановича за поисками штатива для фотоаппарата, чтобы «закат на цвет попробовать снять» [7, с. 242]. Учителя литературы в данном случае больше волнует технический прогресс и предоставленные им возможности, нежели «копание» в давно написанном и фундаментально исследованном произведении, его интересует скорость, а не глубина исследования, что подтверждается предварительными записями к рассказу в рабочей тетради Шукшина: «Русь-тройка. Человек (отец) обнаружил, что тройка-то (гоголевская) везёт... Чичикова. Разговор

с учителем. Учитель говорит, что это – неважно, что Чичикова, важно – что очень быстро» [5, с. 101].

По-иному данный эпизод рассмотрен барнаульским исследователем В.В. Десятовым [5, с. 103], усмотревшим в произведении актуализацию культурного контекста начала XX века. Желание учителя запечатлеть на пленке яркие краски заката Десятов соотносит с восхищением закатами поэтов серебряного века, в частности, А. Белого и А. Блока (вспомним всем известные строки из поэмы «На поле Куликовом»). По наблюдению А.И. Куляпина [5, с. 102], Роман не только заостряет внимание на проблеме гоголевской тройки, но также разделяет мнение ряда исследователей и мыслителей серебряного века, таких как Д. Овсянко-Куликовский, Д. Мережковский, В. Розанов, также видевших в тройке именно Чичикова. Здесь представлен несколько иной, историко-культурологический, взгляд на произведение.

В то время как одни исследователи рассматривают проблематику рассказа в целом, другие обращаются к образу главного героя и его идее. Так, Е.И. Коношенко видит Звягина «глубоким, вдумчивым и философствующим» [2, с. 73] человеком, всерьёз озабоченным идеей Гоголя и судьбой всей России. Мнение исследователя в данном случае обусловлено сравнением рассказа Шукшина с его литературным прототипом – рассказом А.П. Чехова «Не в духе» (1884). Роман Звягин, несомненно, оказывается выше чеховского Пращкина, в связи с чем и получает столь высокую оценку, однако нельзя не обратить внимание и на пронизывающую все повествование скрытую авторскую иронию по отношению к своему герою.

Сама проблема, поднятая Романом Звягиным, подробно анализируется В.Н. Спиридоновым [4]. Большая часть статьи посвящена вопросу о двусмысленности лирического отступления Гоголя. Исследователь предлагает интересную трактовку заключительного эпизода рассказа: Роману удалось доказать и себе, и учителю, что в тройке едет именно Чичиков, однако теперь возникает необходимость во что бы то ни стало его «ссадить» [4, с. 36]. Как это сделать, герой пока не знает, данный вопрос Шукшин оставляет следующим поколениям. В.М. Спиридонов, таким образом, предлагает глубокое и серьёзное решение вполне «житейского» окончания рассказа.

Как уже было сказано, произведения Шукшина достаточно популярны с точки зрения их воплощения в кинематографе. Так, рассказ «Забуксовал» находит отражение в четырёх экранизациях разных лет. Одним из первых воплощений этого произведения на экране стала дипломная работа студента режиссерского факультета ВГИКа Л. Белозоровича «Забуксовал» (1978). К сожалению, мы не располагаем текстовыми материалами к фильму (имеются в виду сценарии и монтажные листы), которые позволили бы процитировать наиболее важные отрывки и провести полноценный анализ картины, однако скажем несколько слов о сущности фильма. Точность и детальность в воспроизведении сюжетной канвы рассказа в данном случае не способствует отражению идейной насыщенности произведения, наоборот, приводит к демонстрации некоторой бесконфликтности рассказа, в котором Белозорович усматривает исключительно бытовую пробле-

матику. Учитель, идейный антипод героя, проповедует не достижения цивилизации, а простую житейскую мудрость: его уже не волнует запечатление красоты заката с помощью усовершенствованной техники, он просто живёт и радуется жизни, принимает её такой, какая она есть (в фильме Роман находит учителя сидящим с сачком на пруду). Да и Романа по-настоящему не волнует поднятая им проблема. Здесь он предстаёт таким наглым рабочим, который от нечего делать увлётся философским вопросом и хочет немедленно получить ответ на него. Л. Белозорович, таким образом, заостряет внимание зрителей на бытовом плане рассказа, оставляя в стороне многогранность его проблематики.

Следующей по хронологии экранизацией рассказа «Забуксовал» является короткометражный фильм Ф. Куйбиды «Такое кино» (2000), который, в отличие от рассмотренной выше версии, на первый план выводит историческую проблематику произведения. События картины разворачиваются в 1990-е годы, о чём свидетельствуют многочисленные реалии того времени (Роман состоит в бригаде рабочих по строительству особняка, учитель Степан посещает кафе «Ромашка», бизнесмен Павел Иванович ездит на мерседесе с тонированными стеклами). Фабула фильма представляет собой контаминацию сюжетных линий рассказа и авторского вымысла сценариста А. Тимма. Главный герой Роман здесь попадает в необычные ситуации: в начале рассказа он узнаёт о том, что объект строительства, на котором он работает, замораживают на неопределённое время, затем, расходясь о птице-тройке, крепко выпи-

вает с учителем, после чего на дороге его сбивает машина, везущая «современного Чичикова»¹ (так определяет бизнесмена Павла Ивановича Ф. Куйбида в аннотации к фильму). Проблема лирического отступления поэмы решается авторами фильма однозначно: в гоголевской тройке едет именно Чичиков, однако в интерпретации современной молодежи он вовсе не является шулером и мошенником, для них он нечто вроде кумира, бизнесмен, в тройку к которому они сами готовы запрыгнуть. Роман и Степан остаются на обочине дороги, однако в то время как Степан фигурально предстает уже мёртвым, душа Романа ещё жива, ведь именно он задаётся философским вопросом о тройке и её пассажирах, он же «пристреливает»² 50 долларов к стволу дерева, демонстрируя презрение к этой жалкой подачке.

Данная интерпретация рассказа несколько напоминает трактовку В.К. Сигова, однако в фильме речь идёт уже не о советской действительности, а о реалиях постперестроечного периода. В результате птица-тройка имеет не просто «подгнившее нутро» [3, с. 215], она опошляется вся целиком, превращаясь в блестящую иномарку бизнесмена, которую все, кроме Романа, превозносят и боготворят. На наш взгляд, «Такое кино» можно трактовать как символическое продолжение рассказа Шукшина, а главного героя представить сыном или внуком шукшинского Романа. Возможность

¹ Дело на выдачу прокатного удостоверения на отечественный художественный фильм «Такое кино». Т. 2 (документы, монтажные листы) // Российский Государственный Архив литературы и искусства. Фонд №3190. Опись №6. Единица хранения №1618. – С. 25.

² Там же.

такого продолжения истории заложена в самом рассказе в рассуждениях Романа: «А может, Гоголь так и имел в виду: подсуроплю, мол: пока догадуются – меня уж живого не будет» [7, с. 241]. Это своеобразное предсказание Гоголя разрабатывается сначала в рассказе, затем в фильме. Чичиков, совершая несомненное мошенничество, спекулирует всё же мёртвыми душами, уже не существующими людьми. В эпоху 1970-х годов учитель литературы не желает задумываться над предостережениями мыслителей-предшественников, интересуется не глубиной мысли, а быстротой полёта. В 1990-е годы Чичиков-бизнесмен манипулирует уже живыми людьми, превращая их в «мёртвые души». С помощью приёма логического продолжения повествования авторы фильма выводят рассказ на уровень исторического обобщения.

В 2002 году выпускник ВГИКа А. Сиренко снимает сериал-экранизацию «Шукшинские рассказы», состоящую из 6 небольших фильмов. Киноновелла «Самородок» снята по мотивам рассказов «Микроскоп» [6, с. 536-545], «Даёшь сердце!» [6, с. 452-456] и «Забуксовал». Наш интерес к этому фильму обусловлен тем, что контаминация нескольких рассказов, лежащая в основе его сценария, предполагает выделение некоторой общности проблематики этих произведений и типологической схожести характеров главных героев. Герой фильма «Самородок» Андрей Ерин назван именем персонажа рассказа «Микроскоп», вместе с этим он заимствует основные черты его характера, которые преподносятся более иронично, нежели в произведениях Шукшина. Перед нами этакий смешной чудаковатый, доморощенный

любитель знаний и достижений в абсолютно разных областях науки, будь то первая в истории медицины пересадка сердца (в честь чего Ерин устраивает салют в три часа ночи), изучение «микробов» при помощи микроскопа или трактовка поэмы Гоголя. Несмотря на занятость на работе и необходимость обеспечивать семью с тремя детьми, герой всё время ищет занятий для души и ума: слушает по ночам радио «Маяк», читает научно-популярный журнал «Знание-сила», однако не в состоянии адекватно воспринять и применить полученную информацию. Вся жизнь Ерина состоит из череды попыток и неудач: после конфискации ружья (которое на время забирает милиция во избежание повторения ночного салюта) он приобретает микроскоп, а после сдачи прибора в комиссионку хватается за гоголевскую тройку, собирается даже ехать в Москву к учёным для выяснения вдруг возникшего вопроса. Картина А. Сиренко выходит на общечеловеческую проблематику, поднятую в произведениях Шукшина, в том числе в рассказе «Забуксовал», указывая на странность, непредсказуемость и в то же время удивительную несправимость человеческой природы.

Контаминация нескольких рассказов, положенных в основу сценария, используется также в фильме Л. Бобровой «Верую!»¹ (2009) [4] – на сегодняшний день последней экранизации исследуемого рассказа. Как и в фильме «Такое кино», действие перенесено в наше время, многие события (такие как пьянство главного героя Максима Ярикова, его сны про Чичикова, дея-

¹ Монтажные листы полнометражного художественного фильма «Верую!» // Архив ОАО «Киностудия Ленфильм». – 59 с.

тельное участие в восстановлении разрушенного храма, смерть жены учителя) являются авторским вымыслом режиссёра и сценариста Л. Бобровой. Идейная основа фильма базируется на рассказе «Верую!» [7, с. 96-105] (что отражено уже в его названии), помимо этого используются мотивы рассказов «Залётный» [7, с.43-49], «Забуксовал» и некоторых других. Картина представляет собой череду событий и ситуаций, в которых оказывается герой, ищущий способ унять навалившуюся душевную тоску. Яриков не может жить просто так, не осознавая смысла своего земного существования, поэтому, напиваясь, придумывает истории о контакте с НЛО, переправлении в Америку чертежей вечного двигателя, идёт к попу, надеясь узнать у него истинное предназначение человека, проводит долгие вечера в беседе с «залётным» Сашкой, на пороге смерти философствующим об устройстве мира, природы, человеческих отношений. В этот контекст вписывается и внимание Максима к птице-тройке. Его остро чувствующая живая душа не могла не откликнуться на несоответствие сущности тройки и, возможно, сидящего в ней Чичикова. Вопрос о том, кто именно едет в тройке, в фильме не ставится столь остро, как в предыдущих картинах, здесь решается другая задача: отразить боль и страдания ещё живой души героя (не случайно в фильме вводятся сны Ярикова, в одном из которых на него несётся та самая тройка, а в другом управляющий современным миром Чичиков хочет записать Максима в мёртвые души, хотя он ещё жив). Автор фильма рассматривает рассказы Шукшина в философско-религиозном контексте. Страждущая душа героя

обретает успокоение в христианской вере, Максим наконец-то находит дело, оправдывающее его существование: руководит реконструкцией разрушенного храма, другими словами, посвящает себя служению Богу.

Рассмотрев основные интерпретации рассказа «Забуксовал» в литературоведении и кинематографе, вернёмся к самому произведению, которому, как мы убедились, практически невозможно дать однозначную оценку. Многообразие трактовок рассказа говорит о его глубоких подтекстах, разноуровневых планах повествования, разделять которые, на наш взгляд, значит некоторым образом обеднять рассказ, лишая его исключительной специфики. В некоторых из рассмотренных интерпретаций рассказ теряет своё загадочное обаяние, достигаемое контаминацией общечеловеческого, житейского, бытового, исторического, философско-религиозного, политического планов. Именно так Шукшину удаётся передать жизнь во вём многообразии её проявлений. И Роман Звягин, совхозный механик, одновременно смешон и серьёзен: смешон в своих попытках внести вклад в отечественное голливудское и серьёзен в самой постановке достаточно важной проблемы, о которой не задумывается даже учитель литературы. По сути, сам того не понимая, он задаётся вопросом об историческом пути всей России, его ищущая духовной пищи натура наталкивается на мощное препятствие, из которого герой выходит достаточно комично, иронизирует над собой. Роман остаётся уверенным, что в тройке везут именно Чичикова, однако позиция Шукшина в данном случае недостаточно ясна. Представляются

разумными как мнение героя, так и доводы учителя, всё же разбирающегося в законах литературы. На наш взгляд, Шукшин лишь поднимает, предельно заостряет вопрос, ответ на который каждый читатель должен найти для себя сам.

Таким образом, проведённый анализ различных интерпретаций рассказа В.М. Шукшина «Забуксовал» позволил выявить сложность, неоднозначность, многоплановость проблематики произведения. Одни исследователи (такие как В.К. Сигов, В.В. Десятов, А.И. Куляпин) обращают внимание на исторический подтекст рассказа, другие (Е.И. Конюшенко, В.Н. Спиридонов) анализируют личность героя произведения, предлагают варианты трактовки лирического отступления Гоголя. Кинематографические интерпретации рассказа не только выводят на передний план разные уровни его идейного содержания, но также переносят шукшинский сюжет на современную авторам почву, что наблюдается, например, в фильмах Ф. Куйбиды «Такое кино» и Л. Бобровой «Верую!». Подобное выделение и доминирование одного из пластов текста Шукшина в некоторых трактовках приводит к обеднению смысловой сущности рассказа, однако позволяет выявить грани произведения, которые были наиболее актуальны в ту или иную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуральник У.А. Русская литература и советское кино: Экранизация класси-

ческой прозы как литературоведческая проблема. – М.: Наука, 1968. – 431 с.

2. Конюшенко Е.И. Заметки о межтекстовых связях в прозе В. Шукшина («Забуксовал», «Крыша над головой», «Миль пардон, мадам!») // Пародия в русской литературе XX в.: сб. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Алт. гос. ун-т; Редкол.: А.И. Куляпин (отв. ред.) и др. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 72-79.
3. Сигов В.К. Русская идея В. М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. – М.: Интеллект-центр, 1999. – 302 с.
4. Спиридонов В.Н. В “защиту” Русской Тройки // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе: третий совмест. сб. науч. ст. фак. рус. филологии Моск. гос. обл. ун-та и каф. русистики и лингводидактики пед. фак. Карлова ун-та в Праге / ред.-сост.: Л.Ф. Алексеева, Радка Гржибкова – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – С. 28-37.
5. Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3-х т. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина / науч. ред. А.А. Чувакин; ред.-сост. С.М. Козлова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 360 с.
6. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3: Повести; Рассказы. – М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. – 560 с.
7. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4: Рассказы. – М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. – 544 с.